

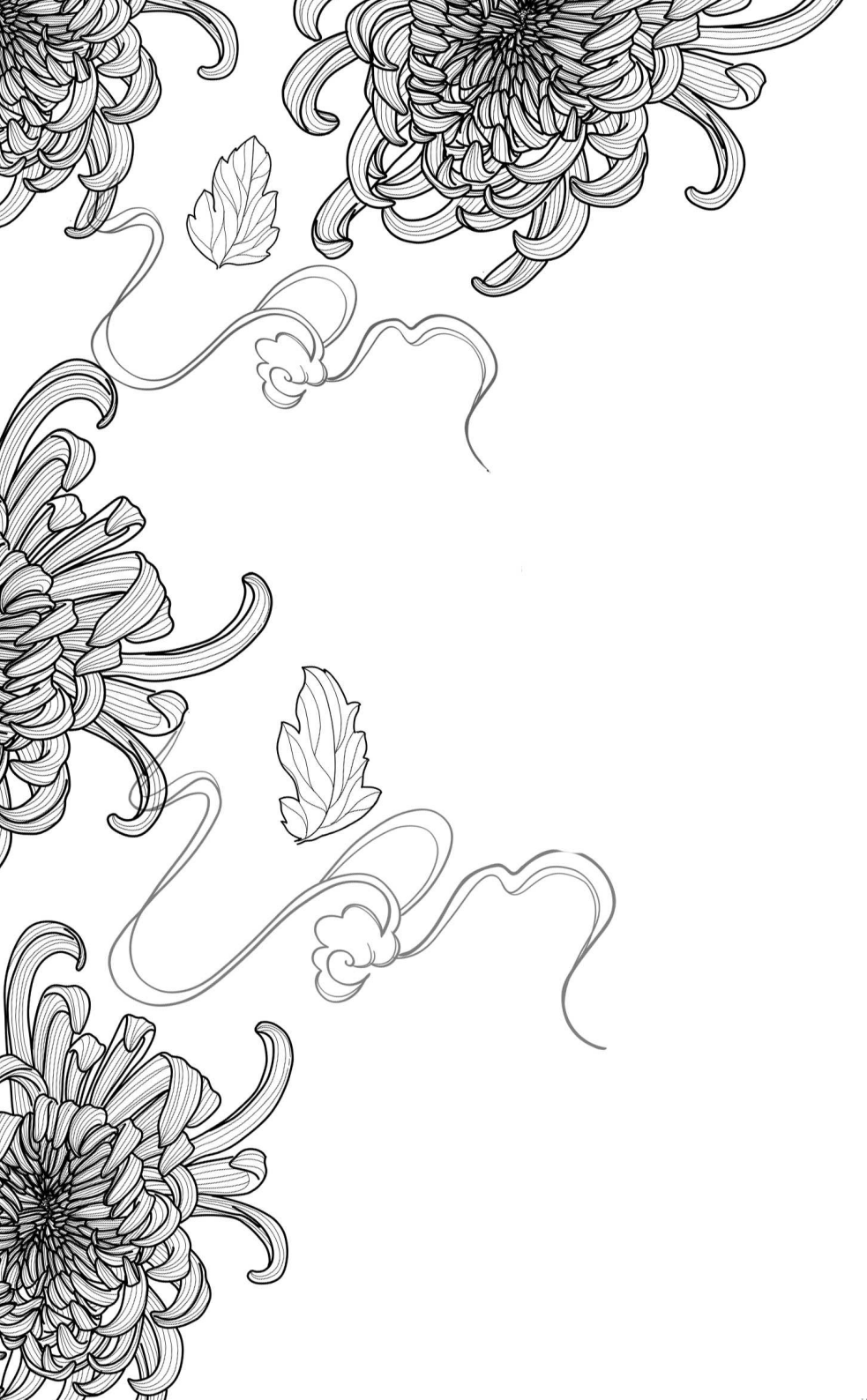
ЕКАТЕРИНА
ЗВОНЦОВА

Желтые
цветы для
Желтого
ИМПЕРАТОРА

МОСКВА

ЕКАТЕРИНА
ЗВОНЦОВА

Желтые
цветы для
Желтого
ИМПЕРАТОРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на обложке *Чаки Чаки*

Звонцова, Екатерина.
3-43 Желтые цветы для Желтого Императора / Екатерина Звонцова. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-04-206412-8

Сияющая и Цветущая Желтая Императрица убита. Страна расколота надвое. Пока новый правитель карает заговорщиков, на тропу мести за свою госпожу выходят пятеро: брат и сестра, похоронившие свой мятежный отряд, беглый маленький паж, сумасшедший волшебник и полицейский-отступник.

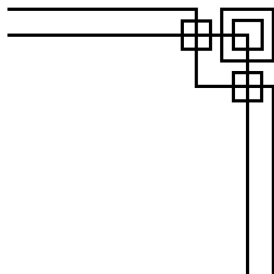
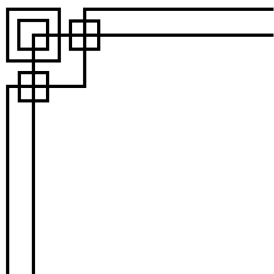
Они идут в столицу, чтобы отомстить узурпатору и спасти законного наследника престола. Они сильные воины, готовые на всё ради страны. Но они скрывают опасные секреты — и никто не знает правды о страшном дне, когда на крови Императрицы выросли желтые цветы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206412-8

© Звонцова Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Даже становясь кем-то другим в самой глухой тьме,
постарайся остаться собой*

Пролог

Красный ара, лоя раскинутыми крыльями ледяную метель, кружил над своей мертвой маленькой хозяйкой. На дзампане¹, в кольце одетых в черно-красное бакутай², мрачных и вооруженных, она казалась еще меньше. Ей закрыли лицо, но белое полотнище подвернули под затылок плохо: ветер то и дело сбивал легкую ткань, и на впалые щеки падал снег. Хозяйку несли бережно, будто что-то по эту сторону мира — например, неосторожная тряска — еще могло ей повредить.

Красный ара не мог спуститься: ветер сносил его, снег бил в грудь. Вьюга уже вырвала несколько перьев из хвоста, закружила, но ни стражи, ни двое идущих с ними мужчин — один рослый, усатый, в морских одеждах, другой тоньше, длинноволосый, в одеждах радужных — этого не заметили.

Красный ара в который раз закричал. Мужчины не подняли голов.

Они не замечали и хозяйку — на нее им вообще было все равно. Они смотрели на второй дзампан, тот, по краям которого трепетали золотые шелка длинного подола. На хрупкое, будто стеклянное, лицо лежавшей там женщины тоже падал снег, сверкал зернами жемчуга.

¹ Носилки для транспортировки раненых и мертвых (*уйт.* «бережно нести»).

² Дворцовая стража (*уйт.* «элитные воины»).

Красный ара прынул вниз — ветер опять его оттолкнул. Процессия все двигалась, покидая густой черный лес. Слуги, ведшие коней, испуганно оглядывались, точно их кто-то преследовал. Никто. Красный ара видел сверху. Он все бился с метелью, но силы не хватало. Впрочем, он понимал: если и прорвется, ничего не поменяется. Не поменяется, если он, вообразив себя иной птицей, хищной, ринется вниз и вонзят давно не стриженные когти в лицо...

В лицо чудовища, которое так долго пряталось среди людей.

Мужчины не разговаривали ни со стражей, ни между собой, смотрели в разные стороны. Один сжимал кулаки, другой кусал губы и тер виски. Дворец впереди шурился золотыми огнями, напознал растревоженной толпой. Мужчины молчали. Баку-тай шли все так же аккуратно, несли мертвых, а крик у дворцовых ворот, многоголосый, скорбный, крепнул.

Красный ара всмотрелся в хозяйку. Хозяйка ничего не слышала. Может, впервые за последние дни ее ничто не тревожило и никто не обижал.

- Императрица!
- Принцесса!

Голосов становилось так много, что ветер, испуганный чужим горем, вдруг ослаб. Перестал играть с разноцветными хифуками¹ мрачных мужчин и высокими хвостами баку-тай.

За процессией оставался грязный снег. Кое-где в него втоптали цветы — желтые, как обрывки солнца, лепестки и бутоны хризантем, которые кто-то взял с собой из мерзлой чащи.

¹ Запашная (традиционно на Востоке) либо пуговичная (фасон, возникший под влиянием Запада и популярный у знати) верхняя одежда с утепленной подкладкой, аналог мантио либо крылатки, с высоким воротом и часто капюшоном, с ложными швами, скрывающими карманы (*ийт.* «утепляющая накидка»).

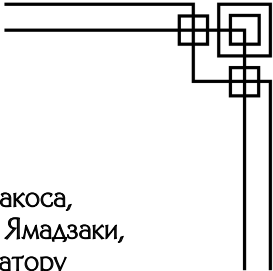
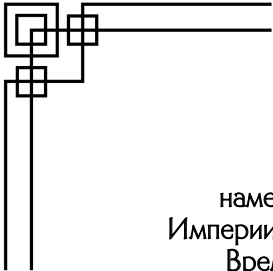

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ ЖЕЛТОГО ИМПЕРАТОРА

Мужчина в морских одеждах поднял руку навстречу бегущим, точно силясь успокоить. Мужчина в радужных — закричал, точно силясь отпугнуть. И метель вдруг покорилась, стихла вслед за ветром, зачарованная: голос младшего мужчины был красив и чудовищен одновременно.

Небо толкнуло красного ару: хватит. Будь с ней до конца. И он упал, сложив крылья, чтобы раскинуть их только у хвостяйки на груди, согреть ее в последний раз, — но не успел.

С оборонной башни у дворцовых ворот в него пустили первую стрелу.

Никисиру Ямадзаки,
наместник Левого берега Ийтакоса,
Империи Двух Берегов, – Юшидзу Ямадзаки,
Временному Желтому Императору

Мой дорогой брат, мое самоцветное солнце.

Я не прошу себя за то, как позорно сбежал, бросив тебя в сумраке и скорби. Но надеюсь, ты в силах меня пусть не помиловать, но понять. Голова твоя всегда была умнее моей, душа – решительнее, сердце – яснее. Правый берег неспроста достался тебе и стал при тебе процветать.

Знаешь, это все еще перед моим застывшим взором: как наша бедная сестра со свернутой шеей лежит в снегу, как из кончиков ее волос исчезают последние радужные переливы, как желтые хризантемы пробиваются вокруг сквозь искристый наст. Желтые цветы для Желтой Императрицы... Это ее знак. Думаю, все дело в метке, метке кайдзами¹, которая всю жизнь Сати находила выход лишь в редком ее досуге в цветниках Красного дворца. Хотя... кто есть императоры, как не садовники, возделывающие и берегущие сады своих стран? И все-таки, Юши, удивительно... Не зря, похоже, говорят, что дарованная богами Святой горы запястная метка, если мы пренебрегаем ее силами, всегда рано или поздно находит способ напомнить о себе. У Сати это случилось после смерти. Ты видел сам, стоя над ней в черном лесу. А может, это твой собственный цветок кайдзами отзывался на скорбь, творил вокруг мертвого тела живые бутоны?

Я пишу тебе все это, пишу, воскрешая нашу общую боль, но думаю, ты чувствуешь в моих словах иное. Прости многословие, никак не подберусь к главному, но я вовсе не играю, нет, я робею. Юши, я понимаю, как тебе трудно, и не хочу тебя огорчать. Но если не огорчу сейчас, буду сходить с ума и дальше, не смогу стать тебе

¹ Садовник. Метка на запястье выглядит как цветок (*ийт.* «ухаживающий за прекрасным»).

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ ЖЕЛТОГО ИМПЕРАТОРА

опорой. Помоги мне раз и навсегда успокоиться. А потом мы решим, как отныне жить, как утешить и исцелить нашу бедную страну.

Я все время вспоминаю те ледяные минуты. Мертвая Рури на твоих окровавленных руках, твой хриплый шепот: «Я не успел, не успел». Не успел помешать. Бедняжка, о боги, может, и к лучшему, что меченые мадзи¹, которых коснулось безумие, уже не могут его преодолеть. Когда я представляю себе чувства, которые она могла бы испытать, осознав, что натворила, сердце падает. Каково это – убить мать, давшую тебе жизнь, просто... за что? Как ты тогда сказал? «Я слышал, они ссорились из-за твоего мальчишки-косё²». И смотрел так, будто я правда виновен в чем-то. Может, и виновен, что привез его, не знаю... уже неважно, но поверь, мой бедный названный сын тоже вне себя. Он не хотел ничего дурного, его расположение к Рури было искренним, сердечным! Юши... ох, Юши... будто сама наша сестра не целовалась в этом возрасте со всеми, на кого падал ее лукавый глаз. Даже я не ругаю мою Джуни за подобное, а ты знаешь, я строг! Что стало с Сати за годы в Красном дворце? Что сделало ее такой суровой, вдовство или сама власть? Если второе, Юши, то мне нужно поспешить. Пока что-то не стряслось и с твоей душой.

Я еще раз прошу прощения и преклоняюсь перед тобой. То, что ты остался, когда я сбежал, как трус; то, что ты исполняешь императорский долг, – большое мужество. Только благодаря тебе всюду мирно, пусть скорбно, и никто не голодает. Благодаря тебе мы тихо встречаем весну. А самоцветная вишня на твоём берегу уже серебрится нежными бутонами. Ты знаешь, что это значит: пора возвращаться. Желтый Император, наместник Правого берега и наместник Левого вместе благословляют вишню в первые весенние дни, таков обычай. Тогда она обильно плодоносит, а урожай и выручка от него нам в этом году необходимы. Твой

¹ Волшебник. Метка на запястье выглядит как горящая стрела (*ийт.* «проклятая сила»).

² Здесь: паж (*ийт.* «доверенный друг»).

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

край тоскует по тебе, Юши, хотя все твои начатые армейские и аграрные реформы не менее важны. Можешь положиться на меня: я подхватываю их, освободив тебя. Благо достойную замену себе, на Левом берегу, я уже подобрал. Жена и дети не счастливы... но и Юкино, и Асагао, и даже Джуни, хотя плачет по Рури она днями и ночами, – во всем поддержат нас.

Я могу только вообразить, как ты устал от всего, что упало на тебя после той Сердцевины Зимы, той проклятой праздничной охоты. Ты так гордо держал голову, уверяя, что справишься. А я? Я, законный преемник Сати, отсиживался у своего океана и изводил себя глупыми – тем более глупыми, чем больше я тебе пишу, – домыслами. Да, наконец-то, Юши, я могу, положив на одну чашу весов твои дела последних месяцев, а на вторую – свои мрачные мысли, увидеть перевес! А раз так, посмейся же со мной. Посмейся, а когда мы встретимся, я с честью приму от тебя град ударов и упреков: «Да как вообще ты мог такое обо мне подумать, глупый Никисиру?»

Прости. Я сам не ведаю, что на меня нашло. Но, когда я уезжал, это крутилось в голове – отчаянное, родившееся от горя «почему», нет, десяток «почему».

«Почему Рури опять заговорила о Мэеки, зная, как Сати ею недовольна?»

«Почему Сати не сдержалась? Разве юная влюбленность – причина ссориться, тем более в праздник? И разве не понимала она, как опасно злить мадзи, каждый взрыв чувств которой может потревожить ее волшебную силу и кого-то поранить?»

«Почему никого не было с ними? Ты так не вовремя погнался за тем огнехвостом...»

«Почему Рури вообще сошла с ума столь юной? У нее были и амумадзи¹, и ками² (к слову, не знаешь ли, где он?), а дар ее

¹ Гасители. Люди, чья метка выглядит как потухшая стрела (иит. «ослабляющий проклятия»).

² Здесь: аналог фамильяра, термин объединяет животных-полукровок, родившихся от связей зверей и птиц со Святой горы

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ ЖЕЛТОГО ИМПЕРАТОРА

проявлялся обыденно, не сильнее, чем у прочих. Даже двадцать лет – ранний возраст для волшебного безумия, а уж тринадцать...»
«Почему обезумевшая Рури не убила тебя, когда ты к ним кинулся? Ты хороший воин... но что есть мастерство против волшебства, способного поднять тебя в воздух и переломать? Как... как ты подошел так близко, как уцелел, как смог перерезать ей горло?»

Я все вспоминал, как ты опекал Рури, как пытался хоть в чем-то заменить ей отца. Ты говорил ей, что она славная, что вступает в прекрасную пору и нужно не упустить ни дня. Ты говорил вещи умные и добрые, но... ты ведь видел, как плохо Рури управляет гневом и волшебством – сейчас, в год, когда у нее начались женские кровотечения. Ты утешал ее перед той охотой, когда она злилась и плакала, обожженная материнской пощечиной за поцелуй с Мэзеки в саду... А Мэзеки сказал мне, что это ты, шутя, тем утром посоветовал ему поцеловать Рури. И хотя я уверен, ты вовсе не намеренно, срезая вместе с Сати цветы для завтрачного стола, привел ее в тот уголок, где затаились наши маленькие журавлики, но как же нехорошо все совпало...

Конечно, так бывает во всех семьях, и то, что наша – императорская, не делает ее особенной в радостях, горестях и ошибках. Прошу, прости меня, на Благословлении Вишен я извинюсь еще тысячу раз. За мысленное предательство, за побег. Я был ослеплен теми самыми совпадениями и отчего-то – все усталость за тяжелый год! – решил, будто ты мог всему этому как-то поспособствовать, будто твои давние дерзкие слова, в юности сказанные сестре, – уверен, ты помнишь, о чем я, – все-таки и впрямь не просто слова. Но хватит. Хватит, я отвратителен сам себе.

Скорее приезжай на свой берег. Ты отдашь мне все распоряжения и спокойно заживешь прежней жизнью. Вишни, наверное, уже завяжутся, начнут переливаться всеми цветами, как всегда...

с обычными, смертными зверями и птицами. Могут частично заменять гасителей во взаимодействии с волшебниками, отсрочивать действие проклятия (*ийт.* «священное существо»).

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

Джунни мечтает их увидеть, в отличие от меня, она их любит, они напоминают ей о трех любимых существах. О тебе, о Рури, о Сати.

На этом прощаюсь с теплом и надеждой. Целую тебя в лоб, мечтая об одном – снять с твоей усталой головы омерзительно тяжелую хризантемовую тиару. Я люблю тебя. До встречи.

24 числа 6-го месяца от Сердцевины Зимы армия Левого берега Ийтакоса в решающем сражении Братской Бойни попыталась штурмом взять Красный Город, но была сокрушена войсками Центра и Правого берега, объединенными под рукой младшего из братьев императорской семьи, Юшидзу Ямадзаки.

И самоцветные вишни заплакали, а корни их обогрились кровью.